

Под угрозами Се Чжаньчжоу Цзя Юаньнянь успокоился и в полусне провалился в забытие.

Рано утром следующего дня, покончив с завтраком, Цзя Юаньнянь и Се Чжаньчжоу отправились из дома.

Чтобы избежать давления от избытка людей, они всё-таки решили пойти вдвоём.

Дом А-Сюя располагался в самом высоком месте всей деревни, а прямо за ним возвышались бескрайние горы.

Поскольку людей становилось всё меньше, растительность задних гор постепенно проявляла захватническую прыть, и крошечная деревня каким-то образом производила впечатление, будто в любой момент может быть поглощена густым лесом позади.

Се Чжаньчжоу, тебе не кажется, что горы и деревья вокруг этой деревни выглядят как-то странно?

Цзя Юаньнянь сам не знал почему, но ему всё время казалось, что окружающие селение горы и зелень словно смыкаются полукругом, заключая всю деревню внутрь.

Это рождало ощущение вовсе не безопасности, а скорее удушающей тесноты, как в темнице.

Се Чжаньчжоу, весьма одобрительно изогнув брови на такую чуткость Цзя Юаньняня, хмыкнул: Хм, в этой деревне и правда есть что-то странное, давай поскорее во всём разберемся и уйдём отсюда.

Цзя Юаньнянь и Се Чжаньчжоу расспрашивали прохожих дорогу и так дошли до дома А-Сюя.

Когда они прибыли, А-Сюй сидел на каменном пне у входа и, уткнувшись в книгу, был полностью поглощен чтением.

Заметив заявившихся к нему двоих, Цзя Юаньнянь почувствовал, что тот ни капельки не удивлен.

Напротив, вид у него был такой, будто он давно их ждал.

Вот только при виде книги в его руках он сильно занервничал.

Что читаешь? — Се Чжаньчжоу неторопливо шагнул вперед.

А-Сюй в панике захлопнул книгу: Ничего, так, листаю понемногу.

О? Правда что ли?

Они и так застряли в деревне на слишком долгое время, продвижение шло удручающе медленно, и у Се Чжаньчжоу уже почти не оставалось терпения.

Он подался вперед, резким движением выхватил книгу из рук А-Сюя и тут же передал её Цзя Юаньняню.

Вы! Что вы делаете! Верните мне её, не портите вещь!

А-Сюй попытался дотянуться и вырвать книгу, но Се Чжаньчжоу преградил ему путь одной рукой и стал шаг за шагом надвигаться на него, затапливая обратно в дом.

Хотя А-Сюй был высоким, возрастом он все же оставался юн, и свирепый ледяной взгляд Се Чжаньчжоу испугал его настолько, что продолжать яростное сопротивление он не смел.

Взглянув на обложку книги, Цзя Юаньнянь просиял: это был точно такой же комплект учебников, какой хранился на алтаре в доме старосты.

Только эта книга сохранилась прекрасно: кроме небольшой желтизны, никаких иных повреждений на ней не было.

Как и предполагал Цзя Юаньнянь, это действительно оказалось пособие по английскому языку для второго курса университета.

Правда, издания многолетней давности.

Её страницы были густо исписаны пометками, что свидетельствовало о том, сколь усердно учился хозяин книги.

Хозяин? Имя!

Цзя Юаньнянь вдруг вспомнил об упущенной важной детали.

Он быстро перелистнул страницы назад к форзацу, но обнаружил, что страница, где обычно принято подписывать своё имя, оказалась вырвана.

Между переплётными швами торчала лишь жалкая половинка листа, да и та была склеена из обрывков.

Разочарованный Цзя Юаньнянь протянул книгу Се Чжаньчжоу.

Се Чжаньчжоу небрежно пролистал пару страниц, а затем перевёл взгляд на А-Сюя, который с надеждой и тоской заглядывал им в рот.

Кому принадлежит эта книга?

Моя собственная.

Связанный по рукам и ногам властным присутствием Се Чжаньчжоу, А-Сюй сидел неподвижно и обиженно отвернул голову в сторону.

Твоя? Староста говорил, что ты учился только у него в начальной школе, откуда же у тебя университетские учебники?

Цзя Юаньнянь только что внимательно всё рассмотрел: это был учебник английского для второго курса вуза.

А в этой деревне не было ни единого студента.

В конце концов, за те два дня, что все они провела в селении, они так или иначе кое о чем расспросили.

Сейчас в деревне оставалось всего несколько человек.

Помимо А-Сюя, никаких молодых людей.

Либо старики вроде деревенского старосты, либо помешанные женщины вроде Безумной сецы.

Все видели, что во многих дворах жили такие ненормальные женщины.

Из мужчин среднего возраста обнаружили лишь два дяди А-Сюя.

Сельчане рассказывали, что те, кто мог уйти, давно ушли, а остались лишь те, кто уйти не в силах.

Все вокруг говорили, что мать А-Сюя не вынесла здешней тяжелой жизни и сбежала сразу после его рождения.

А-Сюя же всем миром сообща содержали деревенские.

Я! Вы думаете, я не хотел учиться? Я тоже хотел, да кто же захочет всю жизнь быть запертым

в этой деревне?

Говоря это, А-Сюй от обиды даже покраснел глазами.

В самом деле, ни Цзя Юаньнянь, ни остальные не понимали, почему крепкий, ладный парень не учится как положено и не работает.

С какой стати он, окончив лишь начальную школу, оказался заперт в этой глуши без возможности выехать?

Неужели за этим крылась какая-то скрытая подоплёка?

Ты только что сказал — заперт? Кто это тебя здесь запер?

Се Чжаньчжоу обратил внимание на злополучное слово заперт, сорвавшееся с губ А-Сюя.

Те, кто до сих пор остается в деревне, просто не могут отсюда убраться, а те, кто мог, давно ушли!

Словно разъяренный до предела, А-Сюй вдруг принял вид человека, которому уже нечего терять, и перестал сопротивляться.

Снова эта фраза: те, кто мог уйти, ушли.

Цзя Юаньнянь, кажется, внезапно уловил истинный смысл этих слов.

Раньше он думал, что старики просто привязаны к родным местам, пустившим корни, и потому говорят, что не могут сдвинуться с места.

Похоже, в этом деле крылась какая-то иная причина.

Выражайся яснее, что значит не могут уйти? А те, кто ушел, они куда делись?

А-Сюй ссутулился и уныло опустил на каменный табурет, его плечи, казавшиеся до того широкими, поникли.

Деревня окружена невидимым барьером, словно вокруг нас очертили круг, и мы можем жить только внутри него.

Вот оно что, вот почему Цзя Юаньняню ранее показалось, что растительность вокруг деревни

растёт так странно.

Оказывается, прямо посреди неё пролежала незримая преграда.

Но погодите, разве староста не говорил, что отправился помочь им связаться со спасателями?

Раз вы вошли сюда, то тоже отсюда не выберетесь.

А-Сюй бросил взгляд на ровесников — Цзя Юаньняня и Се Чжаньчжоу, в его глазах промелькнула тень тоски, смешанной со странным злорадством.

Услышав это, Се Чжаньчжоу не выказал ни малейшей паники или растерянности.

Господинчик, эта глава еще не закончилась, пожалуйста, нажмите на следующую страницу, чтобы читать дальше, впереди еще много интересного!

Он даже поленился стоять дальше и, ухватив за руку вмиг напрягшегося Цзя Юаньняня, уселся на самые почетные места в глубине комнаты.

Тогда Расскажи-ка нам, куда делись те, кто ушел?

А-Сюй же, напротив, сидел в углу с обиженным видом, точно подсудимый на допросе.

Раз уж этим людям всё равно отсюда не выбраться, подумалось ему, можно и язык распустить.

Наша деревня — место крайне нечистое, любой транспорт, проходящий мимо её окрестностей, без всякой видимой причины глохнет и останавливается.

Заметив, что Се Чжаньчжоу слушает с живым интересом, А-Сюй продолжил свой рассказ — в конце концов, ему уже давно никто не давал выговориться вволю.

Потом, сами не знаем как, мы лишились возможности покинуть даже саму деревню. Захочешь уйти — останется лишь один путь.

С этими словами А-Сюй многозначительно посмотрел на обоих и неожиданно сменил тему.

Я лишь знаю, что сколько себя помню, мог находиться только в этой деревне, у меня не было друзей, я всегда был один.

Больше всего я любил играть с большой желтой собакой из семьи тетушки Пан, но она

прожила меньше меня и издохла, когда мне исполнилось десять.

А-Сюй увлекся рассказом настолько, что его уже невозможно было остановить.

Он принялся перечислять всё подряд: от сельских кошек до собак, от цыплёнка Дунцуня до деревенского нужника на западной окраине.

Тема уводила их всё дальше в сторону, и Цзя Юаньняню пришлось поспешно прервать бесконечную болтовню А-Сюя.

Стоп, так какой же единственный способ покинуть деревню, о котором ты говорил?

На редкость отзывчивые слушатели явно подняли А-Сюю настроение.

Скоро сами узнаете, в любом случае вам отсюда не уйти.

Се Чжаньчжоу презрительно хмыкнул, сочтя самоуверенность А-Сюя полной бессмыслицей.

Какая-то жалкая обитель злобы — и вдруг смеет мечтать удержать его?

Даже если они сгорят в пламени дотла вместе, такого просто не может быть.

Победный вид А-Сюя зародил в сердце Цзя Юаньняня дурное предчувствие: ему казалось, что они упустили из виду нечто крайне важное.

Ты только что сказал, что всегда играл один? А как же Безумная сеца? Разве она не играла вместе с тобой?

Цзя Юаньнянь вспомнил неподдельную радость на лице Безумной сецы при виде А-Сюя — безумец не способен так искусно притворяться.

Она? Она взрослая, с чего бы ей играть со мной, ребенком?

В абсолютной естественности слов А-Сюя не чувствовалось ни капли фальши.

Но когда она видит тебя, кажется, будто очень радуется.

Цзя Юаньнянь не верил, что радость Безумной сецы при встрече с А-Сюем была фальшивой.

Быть может, она радовалась вовсе не мне?

К тому же, она вовсе не какая-то сумасшедшая.

Как только эти слова сорвались с губ, в комнате воцарилась жуткая, зловещая тишина.

Уголки губ А-Сюя расплывались в пугающей, всё возрастающей улыбке.

Словно торжество злодея чей-то коварный замысел увенчался успехом.

Плохо!

<http://bllate.org/book/18799/1827137>